ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XVIII–XXI вв.

М. Ю. Люстров

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РУССКОЙ И ШВЕДСКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ ЭПОХИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривая события Северной войны, русские и шведские авторы использовали общие способы панегирического и пейоративного описаний, употребляли общие библейские аллюзии, черпали сведения из одинаковых (но принадлежащих каждой из враждующих сторон и потому толкующих события по-своему) источников: реляций, «правдивых описаний» и донесений. Сопоставление русских и шведских сочинений начала XVIII в. позволяет утверждать, что за очевидной схожестью русских и шведских текстов скрываются незначительные, но подчас принципиальные отличия, нуждающиеся в выявлении и объяснении. Исследование разительных отличий в русских и шведских панегириках требует привлечения более широкого материала и является следующим шагом в исследовании заявленной темы.

Первый Петр и Двенадцатый Карл

Значительная часть русских и шведских панегириков эпохи Северной войны посвящена отечественным монархам, Петру I и Карлу XII. Сопоставление тематически близких текстов позволяет выявить некоторые характерные особенности русской и шведской панегирической литератур эпохи Северной войны, связанные с бытованием двух ключевых и несовместимых в рамках литературы одной страны тем: всеобщего обновления и включенности в национальную традицию. Известно, что в русских и шведских сочинениях Северной войны при упоминании монархов особая роль отводится их «порядковому номеру». Таким образом вождь побеждающего народа оказывается вписанным в ряд героических предков или представляется начинателем и родоначальником. В статье Б.А. Успен-

ского «Historia sub specie semioticae» отмечается, что «наименование “Петр Первый” должно было восприниматься как неправомерное притязание на то, чтобы стать точкой отсчета, началом, что было доступно, вообще говоря, лишь сфере сакрального (или, по крайней мере, тому, что освящено традицией)». Примерами это предположение не подкрепляется, однако несомненно, что в глазах современников с Петром так или иначе связано все первое, начальное, отправное («Пафос небывалого новаторства осознавался не только Петром, но и современниками»[1]). Примеры, подтверждающие этот не нуждающийся в новом подтверждении тезис, хорошо известны. Однако в исследовании, посвященном сопоставительному анализу русских и шведских панегирических сочинений, они кажутся вполне уместными. В самом начале «Истории имп. Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии» (СПб., 1773) Феофана Прокоповича про российского монарха говорится: «Петр I (о Нем же сию Историю пишем) внук есть Царя Михаила Феодоровича, первого от дому Романовых Самодержца Российскаго». По мысли панегириста, Петр Первый – внук *первого* царя из рода Романовых. Судя по всему, этот фрагмент призван указать на краткость династии, в которой Петр оказывается лишь третьим, но первым Петром. В латинском стихотворении, посвященном «Пришествию в Нов град Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728 генваря 11 дня», эта мысль выражена яснее, здесь Феофан говорит о Петре Первом как о первом Великом Петре: «Аще восхощеши Петру подражати Великому, Изобрази его в оставльшихся по нем правилах, И Первому последуй Вторый, Да и Вторый востанеши Великий»[2].

Вместе с тем Петр Первый может изображаться как продолжатель дел своих предков. Так, в стихотворном предисловии к «Алфавиту, рифмами сложенному» (1705) Иоанна Максимовича отмечается: «… к Прародителю Царска Благородства / Корень вашего снийде Пресвѣтлаго Родства. / Великий Государь Царь великий Князь Михаил / Феодорович Шведску Аву уста заградил», и чуть ниже: «Камень вѣри Христовой Крепкий защититель / Петр Алексеевич всех врагов побѣдитель / … Нынѣ ограду Шведска Ава искореняет / Вскорѣ самаго в егож сѣти яти чает». Как следует из этого панегирика, в России сложилась традиция побеждать Шведского Льва, и здесь Петр следует за предшественниками. При этом свое начало эта традиция получила задолго до Михаила Федоровича. В слове Гавриила Бужинско-

го, произнесенного «в день празднования св. Александра Невскаго», сказано, что тогда «от запада воставаше в лютости своей обикновенны Лев Свейский», побежденный на Неве[3]. О вековечном соперничестве России со Швецией и о победе князя Александра Ярославича в 1240 г. Гавриил Бужинский говорит и в «Похвальном слове, произнесенном в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения ... Петра Великого» («Отсюду хотяху вооружитися отдревле с Россиею препирающиеся Свеи, – кто ж не видит дарование Божие, онаго мужественнейшаго князя и воина, аки втораго Сципиона Африканскаго, от побед во Африке имя сие заслужившаго, тако и в России Александра Невскаго, от победи зде полученной тако именованного»[4]). Как следует из того же сочинения Гавриила Бужинского, кроме князя Александра, древнерусскими предшественниками Петра I (уже вне всякой связи со шведскими войнами) являются Владимир Святой, Ярослав Мудрый и Дмитрий Донской (С. 504–505), а в слове, произнесенном «в 6-ю неделю по Пятидесятнице, на которую падает воспоминание Полтавской победы», называется «первый в России правилный властитель» «иностранный государь» Рюрик (Там же. С. 575). Однако в последнем сочинении Гавриил Бужинский рассматривает отечественную историю как череду междоусобиц, бунтов и поражений от иноплеменников, тянувшуюся до начала Петровского царствования: «Продолжилася сия разслаба до времен Петра Великаго, который первый дань даяти варваром не восхотел, первый разслабу сию исцеляти начал, что засвидетелствовали его походя Азовские...» (Там же. С. 576).

Приблизительно та же идея проводится в созданном в 1717 г. рукописном «Разсуждении о поступках, которые имел царское величество даже до сих дней, и о тех, которые может еще впредь чинить»: «Он (Петр I. – *М. Л.*) родился в таком отечествѣ, котораго обычай лишал его от сообщения протчих народов, и кажетца так, что бутто бы его пра отцы нарочно не хотѣли ничего дѣлать славнаго, дабы ему единому оставить славу быть первым, которой бы начал великия дѣла и тем бы удостоился онаго»[5]. В 1717 же году были изданы сочиненные Феофаном Прокоповичем «приветствия» возвратившемуся из Европы Петру: от имени царевича Петра Петровича, царевен Анны и Елизаветы и от имени всего народа. Обращение от имени царевича заканчивается пассажем: «Держи сие победителною десницею, дондеже и моя подражанием дел твоих силна и крепка в державе явятся, дондеже малаго Петра

твоего покажет Бог достойна, вторым по тебе нарещися Петром»[6], а в «Приветствии всенародном» читаем: «Что бои но знаменует Петр, разве крепость зане камень есть: что же и первый, разве первенство Первый: сиесть Верховный достоинством титлы Царския, Первый и именем тем ПЕТР ПЕРВЫЙ во всех делах, яже от натуры всегда требуют себе крепости. Первый в воинстве, Первый и в гражданстве, Первый и в милости, Первый в правосудии, Первый и в воздаянии комуждо по делом»[7]. В предисловии к «грамматике» Мелетия Смотрицкого 1722 г. издания отмечается: «... непостижимым промыслом создателя нашего Бога (в его же руцѣ царево сердце) изволися любомудрѣйшему всероссийскому нашему Монарху Петру того имене и дѣл высоких Первому чрез неусыпное его Царскаго Величества тщание Преславное и православное свое Государство якоже иными воинскими науками и всякими нуждными механическими хитростями украсити и обогатити. Тако и седми свободных наук, еллиногреческа и латинска диалектов училищами наполнити». Идея обновления стала основной в Петровское время: характерно, что «Сенат при поднесении “государю Петру титула императора всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества” 22 октября 1722 г. провозглашал: “Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены”»[8].

Принципиально иную картину можно наблюдать в шведской литературе конца XVII – начала XVIII в. Для шведских панегиристов важным является то обстоятельство, что Карл XII не первый шведский монарх, носящий это имя. В отличие от русского царя-начинателя, шведский король, как следует из шведских текстов, оказывается одним из героических шведских королей-победителей. Так, в самом начале XVIII в. было напечатано описание шведских и готских Карлов «на старом шведском языке» от древности до современности П. Дийкмана (P. Dijkman). Книга разделена на отдельные главки, каждая из которых посвящена шведскому Карлу, начиная с Первого и заканчивая правящим ныне, побеждающим саксонцев, поляков, русских, татар, казаков, литовцев и курляндцев Двенадцатым. Вступление и концовка панегирика написаны на древнеисландском, что, по мысли автора, должно связать современность с героической историей, а Карла Двенадцатого позиционировать как наследника древних королей (отдель-

ные исландские слова встречаются в 12-й, посвященной Карлу Двенадцатому, главе). Один из шведских стихотворных панегириков начала Северной войны называется «На ... героические подвиги Двенадцатого Шведского Карла»[9], а в стихотворении Б.В. Шмидта «12. Имя великого короля. На счастливый день именин Всемилостивейшего Короля Карла XII 28 января 1715»: «Двенадцать Королей имела наша страна, которые носили имя Карл / Часть их древность стерла с мрачных рун»[10]. В самом деле, первые шведские Карлы явно легендарны и являются исторической условностью (подобно тому, как едва ли можно назвать 13 коронованных предшественников сына Густава Васы Эрика XIV). В отличие от Петра (или шведского короля Густава Вазы), Карл XII как первый, родоначальник и начинатель не представляется и выглядит достойным продолжателем рода Карлов и древних королей. Можно предположить, что и по этой причине в шведских панегирических стихотворениях, посвященных Карлу XII, шведский король уподобляется легендарным и мифологическим героям: так, в панегирике О. Рудбека-младшего отмечается, что он «так же силен, как был силен Старкуттер»[11]. О шведах-наследниках славы древних скандинавов говорится и в многочисленных стихотворениях Северной войны (например, «храбрые старые готы» упоминаются в «Пожелании счастья... в наступающем 1718 г.»[12]).

В шведских текстах рубежа XVII–XVIII вв. неоднократно отмечается, что Карл Двенадцатый является сыном короля Карла (а в более поздних панегириках – что он превзошел всех своих предшествеников). Таким образом шведские панегиристы указывают на непрерывность династии и подчеркивают идею преемственности. Отметим, что в русских текстах начала XVIII в. упоминается царь Алексей Михайлович: в панегирике «Торжественная врата» (1703) отождествленный с отцом Александра Македонского Филиппом. И этот пример лишь подчеркивает идею первенства Петра – нового Александра Македонского, превзошедшего своих предшественников. Хорошо известно, что в русской панегирической традиции второй половины XVII – первой половины XVIII вв. актуализируется образ возрождающегося феникса; в отличие от своих русских коллег, шведские панегиристы имели возможность говорить об абсолютном «возрождении» монарха: на смену усопшему Карлу приходит новый Карл. Неслучайно изображение феникса украшает большинство шведских изданий, посвященных смерти Карла XI и вступлению на престол Карла XII.

Среди предшествующих Карлу XII Карлов оказываются не только реальные или легендарные шведские короли, но и правители других стран. Так, в приложении к переводу «Corona Gothica» Сааведры Фахардо, выполненному Ю.Г. Спарвенфельдом, Карл XII замыкает список готских королей. В шведских текстах рубежа XVII–XVIII вв. самым знаменитым одноименным Карлу XII монархом объявляется император Карл Великий. Можно предположить, что эту ассоциацию должно вызывать встречающееся в панегириках шведских и европейских авторов наименование Карла XII Карлом Великим. В шведском жизнеописании, изданном в связи с погребением Карла XII, специально отмечается, что его род ведется от императора Карла[13]. По наблюдению Н. Экедаля, подобная генеалогия была издана еще в правление Карла XI, и в ней «подчеркивается, что король происходит от императора Карла Великого, который называется первым под этим именем»[14].

Можно предположить, что выявленная закономерность возникла случайно: во главе «обновленной России» оказался Первый Петр, во главе гордящейся своей героической древностью Швеции – Двенадцатый Карл. Это совпадение вызвало к жизни сохранявшуюся на протяжении всего XVIII в. тенденцию: в 1778 г. шведский король Густав III отмечал правоту менявшего страну Петра и настаивал на необходимости для шведов оставаться верными традиции[15]. Однако несомненно, что имена и «порядковые номера» правителей как нельзя лучше соответствуют шведской и русской идеям включенности в традицию и новаторства.

Анализ русских и шведских текстов, посвященных «порядковому номеру» отечественного монарха позволяет выявить очевидную и, как представляется, характерную для панегирической литературы каждой из стран закономерность. Во всех русских сочинениях номер Петра связывается лишь с темой новаторства и первенства. В свою очередь, шведские авторы первой четверти XVIII в. оказываются изобретательнее своих русских коллег и не ограничиваются повторяющимися рассуждениями о следовании Карла XII традиции. В шведских панегириках начала XVIII в. «порядковый номер» Карла связывается с количеством звезд (в посвященном коронации Карла XII стихотворении «Черная печальная северной туча разогнана, когда... Карл XII венчается Высокосверкающей ... короной, сверкающей двенадцатью ярчай-

шими звездами в Севере»), с количеством подвигов Геракла (в «“Печальной песне” о погребении Карла» О. Рубдека-сына (на этой основе Карл XII сравнивался с Гераклом и в дальнейшем: известно, что в своем раннем стихотворении 1732 г. «Далин перечисляет двенадцать королевских подвигов, которые соответствуют подвигам греческого героя»[16]). В панегирике, вошедшем в сборник стихотворений Ю. Руниуса «Dudaim», с именем и «номером» монарха ассоциируется удачный 1712 г. В стихотворениях, повествующих о восшествии на шведский престол мужа Ульрики Элеоноры Фридриха I, появляется образ часов, показывающих первый час после двенадцати. Эта тенденция обнаруживается при сопоставлении русских и шведских текстов эпохи Северной войны, содержащих библейские аллюзии и ассоциации.

Пророк Даниил во рву со львами

Очевидно, что значительная часть русских стихотворных и прозаических панегириков эпохи Северной войны посвящена победам над шведами и турками и что используемые авторами библейские аллюзии были призваны эти победы прославить и увековечить. Так, в русских сочинениях эпохи Северной войны упоминающиеся в Библии львы как правило ассоциируются со Швецией: льва победил Самсон («Православный наш Монарха по новаго Лва Свейскаго растерзании обрете мед, сие, кроме неизчетных користей, сладчайшее паче меда и сота вкушение, благоприятний нектар, всеторжественную радость, церквам умирение, отечеству свободу и глубочайшую тишину» – в «Синаксаре Иоанна Максимовича»); льва, напавшего на стадо, убил пастух Давид («... богомдарованное тебе славное прародителей своих всероссийское государство со всяким опаством пася, видя же едину от богом умноженных овец своих, сиесть Ижерскую землю, неправедне чрез толико лет от прегордаго хищника льва свейскаго похищенную, текл еси в след его и сопротивляющася емь за гортань разбил его, и исторг еси от уст его неправедне похищеное» – в «Преславном торжестве свободителя Ливонии»), Бог дал апостолам силу наступать на льва и змия («...На аспида и василиска наступиши и попреши лва и змия»[17] – воспроизводится этот евангельский фрагмент в слове Гавриила Бужинского на день рождения царицы Параскевии Феодоровны 14 октября 1717 г.; «...Его Царскому Пресветлому Величеству прекрепчайшему в бранех Господних Вожду, храброму непобедимому Воину тую же благодать и дар Духа

Святаго, в себе содержащу, дадеся побѣдителными ногами на лва Свѣйскаго змиеву наступит главу и скорпию премного в Европѣ жалом своим повредившаго, смертоносне сотерти и всю силу его совокупленную побѣдити...» – в «Синаксаре» Иоанна Максимовича), лев – это дьявол, стремящийся погубить человека («...Повеял ветр от уст льва свейскаго, паче же рещи от уст льва адскаго, о нем же Петр святый глаголет: Супостат ваш Диавол аки лев рыкая ходит, иский кого поглотити»[18] – в Слове Стефана Яворского, произнесенном перед церковным проклятием гетмана Мазепы в ноябре 1708 г.), в ров ко львам был брошен пророк Даниил. Последний сюжет, разрабатываемый как русскими, так и шведскими авторами, представляется особенно интересным. В «Синаксаре» Иоанна Максимовича говорится: «Живи, благочестивый Царю всегда препрославлен, яко воздал месть врагом своим и ненавидящих нас посрамил еси: заградил уста лву, стер его главу» (на полях значится: Даниил 4). В «Алфавите, рифмами сложенном» того же Иоанна Максимовича отмечается, что «Великий Государь Царь великий Князь Михаил / Феодорович Шведску Лву уста заградил» (в панегирике «Торжественная врата» упоминается имя Михаила Федоровича, «масличным купно и царским венцем венчаннаго, масличную ветвь в руке держащего, в знамение усмирения вражиих иноплеменнических и крамолных расколников нашествий при державе его России возсиявшаго»[19]). В «Слово на память святаго Первозваннаго Апостола Андрея» Гавриила Бужинского о кавалерах ордена Андрея Первозванного говорится, что они несут «живый образ оных Святых», которые, кроме прочего, «заградиша уста львов». Точно так же действуют нынешние герои: «...Заградисте уста Льва Свѣйскаго и аки угасисте силу огненную, егда на страшныя пушечныя и мушкетныя громы и огни безстрашно, мужественно и дерзновенно исходисте»[20]. Без прямого указания на источник достаточно сложно установить, какой именно библейский сюжет имеет в виду русский панегирист, поскольку «заградить уста» шведскому льву могли как русский Даниил, так и русский Самсон (например, «... прехрабрый Самсон, наш государь царь, заградил есть уста тому льву, паче же растерза лва шведска» в проповеди Стефана Яворского[21]). Можно предположить, что интересующий нас сюжет был одним из двух источников, использованных русским панегиристом. Однако выявление библейской истории, положенной в основу этого сопоставления, не входит в число наших задач. Вместе с тем существуют случаи,

когда русский автор не только ссылается на библейский сюжет о пророке Данииле, но и находит дополнительные (кроме сопоставления библейского и шведского львов) причины для его упоминания в тексте панегирика. Так, в «Венце победы» (Львов, 1709) основанием для сравнения Меншикова с пророком Даниилом становится отчество русского полководца: «Даниил Пророк уста затыкаше / Лвом: Данилович Князь лвы прогоняше / Швед бо, иже есть Сѣверный Лев назван. / От того прогнан».

В свою очередь шведские авторы эпохи Северной войны не называют библейским львом ни Россию, ни Данию, ни Саксонию, ни Польшу. В шведских сочинениях эти библейские цитаты употребляются вне всякой связи с государственными символами. Например, в изданных в 1702 г. панегирическом слове «Триумфальная труба в Севере», посвященном победе под Клишовым, и в проповеди «Кровавая жертва Иисуса Христа за грехи всего мира» Г. Флорена приводится одна и та же цитата из посланий апостолов: «наступить на юного льва и дракона»[22]. Известно, что «юный Лев» – традиционное обозначение Карла XII как в шведской, так и иностранной панегирической литературе начала XVIII в. В том же шведском панегирике «Триумфальная труба» враги Швеции говорят: «Мы знаем, что Лев порождает Льва, благородный корень даѐт благородный побег, герой рождает героя. Нам хорошо известно, чем Густавы и Карлы были для мужей. Пришло время подрезать когти молодого льва, сломать побег, уничтожить творение Шведского Героя...»[23]; в свою очередь, в русской «Ляврее» Ивана Кременецкого о Карле сказано: «Млад еще лвичищ, но горд есть и лютый...». Очевидно, что в перечисленных случаях речь идет о совершенно разных «юных львах». Кроме того, в одном из духовных стихотворений, написанных генералом Любекером и напечатанных в 1717 г., об угрожающем шведам дьяволе говорится: «Да, он сейчас ходит кругом / Хочет напасть на божьих детей, / Воспрепятствовать течению их жизни, / Проглотить их подобно льву»[24]. В проповеди И. Майера, переведенной с немецкого на шведский Я. Гарвилио и изданной в 1707 г., упоминается «добыча адского льва»[25]. В слове придворного проповедника Ю. Поссейта (J. Posseith) на погребение в 1712 г. придворного бухгалтера А. Омана библейские фрагменты, в которых упоминаются львы и которые охотно цитируются русскими авторами антишведских сочинений, встречаются постоянно: «Дьявол, вокруг ходящий Лев, хочет ее скоро проглотить»,

«… твоя сила в том, чтобы наступать на юного Льва и Дракона». Привлекает он и историю о Данииле: Бог «… защитил Даниила во рву со львами»[26].

Как и в русских, в шведских панегириках эта библейская ассоциация может возникать благодаря имени адресата. Однако героем шведского славословия оказывается не полководец, а новобрачный, и панегирик носит не общественно-политический, а сугубо приватный характер. Так, в названии шведского стихотворения фон Бробергера на бракосочетание казначея Даниэля Вестерлинга (Westerling) и девицы Анны Бриты Стрем (Ström) (1704) отмечается: «В древние времена Даниил был брошен в яму со львами, но остался невредимым, Сейчас Даниэль отправился в поток (ström), чтобы погасить огонь, который горит в его теле»[27]. Несомненно, для русских панегиристов, традиционно отождествлявших Швецию со Львом, этот сюжет как нельзя лучше соответствовал военной ситуации; для шведских победословий он подходил значительно меньше. Однако факт, что прием сопоставления «через имя» применительно к одному и тому же библейскому сюжету использовался русскими и шведскими авторами в произведениях столь далеких жанров, кажется примечательным.

Тематический диапозон шведской поэзии начала XVIII в. весьма широк, и победословия являлись лишь частью (хотя и значительной) поэтической продукции, появлявшейся в Швеции во время Северной войны. Указанное стихотворение на свадьбу Даниеля Вестерлинга входит в изданный в 1708 г. поэтический сборник фон Бробергера, состоящий из «пожеланий счастья», «свадебных песен», новогодних поздравлений, «свадебных шуток», «жалобных песен», «утешительных писем», «могильных камней», сонетов, мадригалов и т. п. Приблизительно такой же жанровый состав представлен в другой книге военного времени – изданном в 1709 г. в Гетеборге сборнике П. Варнмарка. Свадебные и новогодние поздравления, пожелания счастья, стихотворные письма напечатаны в книге стихотворений Ю. Руниуса (в первом томе (1713) опубликованы тексты духовного содержания, во втором (1715) – стихотворения на свадьбы и погребения; трехчастное издание, дополненное поэтическими произведениями различного содержания, вышло в 1733 г.). При этом в шведской поэзии рубежа XVII–XVIII вв. свадебные поздравления относятся к числу наиболее распространенных жанров и составляют особый (подчас первый) раздел любого поэтического сборника. В эпи-

таламических текстах нередко возникает тема любовной войны, которая противопоставляется войне настоящей и кровопролитной. Так, свадебная песня Т. Рудена «О войне и сражении» имеет характерное «батальное» начало: «Весь мир ведет войну / Оружие грохочет во всех странах / Марс ходит с огненным факелом, / Зажигает в народах и странах пожар…» Затем следует рассказ о войне любовной, и это «военное» описание имеет иронически подчеркнутый эротический подтекст: «…я хочу просить Бога, чтобы он до зрелого возраста поддерживал вашу сладостную битву»[28]. В другой свадебной песне Рудена, в «Войне Астрильда» (бога любви, северного Амура), речь идет о любовной войне, и это стихотворение заканчивается традиционным для панегирической поэзии двустишием: «Так живем мы в золотое время, / Когда единственное сражение – это любовь»[29]. Точно так же о военном времени говорится в начале стихотворения Ю. Руниуса на бракосочетание капитана Грюнда и девицы Сведмарк: «Сейчас время вооружения, ибо Марс начинает мечтать … Он мечется … Он кричит… Он разбрызгивает огонь и молнию и дым…» Далее в стихотворении Руниуса рассказ о «времени войны» сменяется описанием «времени радости», «времени помощи», «времени песен» и дважды – «времени любви». В стихотворении Руниуса на бракосочетание лейтенанта К. М. Драке с девицей Г. Монтгоммери затрагивается тема русской войны и полтавского поражения; в его же стихотворении 1712 г. на бракосочетание лейтенанта Ю. Э. Бергенстрема и девицы Б. Нюман упоминаются Марс и Венера. Вне всякого сомнения, присутствие военной темы в этих стихотворениях Руниуса объясняется принадлежностью героя к военному сословию («Славный парень и солдат Карла / Получил сегодня женщину, лучшую / Чем некая языческая богиня» – 41). Возможно, по этой же причине в стихотворении Бробергера, посвященном свадьбе придворного казначея, о войне не говорится ни слова, и образ пророка Данила с батальной темой не ассоциируется.

В России Петровского времени подобные поэтические сборники не издавались, военная тема находила выражение только в стихотворных победословиях, и библейские ассоциации, построенные на тождестве имени адресата панегирика и библейского героя, встречаются, как правило, в произведениях, посвященных «событиям военной и государственной важности». Не случайно таким адресатом становился, как правило, царь Петр. Так, в слове Стефана Яворского «Моисей Россий-

ский к освобождению людей христианских от работы египетския – турецкия Богом избранный» (1711) Петр I сопоставляется с апостолом Петром: «Воспомяни оное под Лесным поле, на котором не яко царь, но яко един от воин, брань устрояющих, яко Петр в вертограде Гефсиманском, подвязался еси»[30]. Как известно, русские панегиристы рубежа XVII–XVIII вв. акцентируют внимание на греческом происхождении имени Петра I. Один из многочисленных примеров такого рода – рукописное стихотворение 1700 г.:

Каменем Давид Гиганта порази
Каменя Христа явъ прообрази.
Велие диво во всех тогда бяше,
Егда мал Давид Гиганта мертвяше
Болшее днесь не сравнено явися
Яко мысленный Гигант поразися
Каменем Христом от девы рожденным
Тоя Пречистым млеком одоенным.
Царю наш Петре камню соименный,
Христу и Петру сице реченный
Рождаемый днесь тобою воюет,
В чесом Россиа свѣтло триумфует?
И селенныя хвалят тя концы вси,
Агаряне бо тя бѣжат яко пси.
Лунѣ их ущерб явно сотворися,
Егда в тебѣ Бог славно прославися.
Хвали, днесь хвали Государь наш Бога
Его же ти коль дася милость многа.
Апостол Петре, церкве основатель
Моли да тоя плѣна Свободитель
Соименник твой вскорѣ сотворится
И в подобных ти дѣлѣх прославится.
Византия со Иерусалимом
Антиохия Египт с македоном
Присножалостно о сем воздыхает
Да христианский царь им обладает
Наш христианский царь Петр камень твердый
Вѣры и Церкве защитник усердый.
За молитв святых и Богородицы
Срящет милость в сем Святыя Троицы
Автор стихов и аз сего желая
Царю нашему виват восклицая
Пою Богу и ему дондежеем[31].

Тема Петра-камня развивается, в том числе, в стихотворении, посвященном свадьбе царя. Так, в «Книге любве знак в честен брак» (1689) Кариона Истомина говорится: «Имя Петр крѣпость оных устрашает / Татаров турков Бог да истребля-

ет»[32]. Естественно, и это стихотворение относится к разряду государственно-политических. В шведской поэзии начала XVIII в. имя героя также позволяло автору ввести «каменную» тему (правда, вне библейских аналогий). Например, в стихотворении Я. Фрезе, предваряющем поэтический сборник 1714 г. Ю. Руниуса и посвященном знаменитому современнику, упоминаются шведские *рунические* камни[33]. Однако, подобно свадебному славословию, содержащему упоминание истории о пророке Данииле, это стихотворение абсолютно «аполитично».

Конечно, русское стихотворство начала XVIII в. не ограничивается сочинениями на военную тему и панегириками монарху. Хорошо известно, что русская поэзия второй половины XVII в. располагала значительным жанровым репертуаром, среди сочинений русских авторов – большое количество стихотворений на случай, в том числе и свадебных поздравлений (этот вопрос исследован в новейшей работе Л. И. Сазоновой); точно так же в Петровское время создавались псальмы и эпитафии (например, знаменитые «Emblemmata et symbola» Стефана Яворского, посвященные смерти митрополита Киевского и Галицкого Варлаама Ясинского). Сравнительный анализ литературной ситуации в России времени Алексея Михайловича и Петра I проводится в работах А. М. Панченко, вопрос о «нелитературности» Петровской эпохи поднимается, в частности, в исследованиях В. И. Перетца, Д. И. Чижевского, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, С. И. Николаева, и мы ограничимся лишь самым общим замечанием. В оригинальной русской поэзии Петровского времени количество «военно-политических» стихотворений, сравнительно с сочинениями на другие темы, весьма велико. Среди оригинальных русских стихотворений, *изданных* во время Северной войны, произведения на военную и государственную темы явно преобладают (интересующий нас библейский сюжет использован в напечатанных панегириках; для нашего исследования особый интерес представляют именно такие сочинения, поскольку их анализ позволяет сузить круг русских и шведских исследуемых текстов и при этом сопоставить государственную издательскую политику и статус литературного творчества в каролинской Швеции и петровской России). Очевидно, что во время русско-шведской войны 1700–1721 гг. военная тема активно разрабатывалась как русскими, так и шведскими поэтами. Очевидно также, что шведские победословия издавались в большем количестве, чем русские епиникионы. При этом, повторим, наряду с военными

панегириками в Швеции печатались многочисленные стихотворения на случай, никак не связанные с военной темой. Как представляется, особенности употребления одного и того же библейского сюжета объясняются ситуацией, сложившейся в русской и шведской литературах в начале XVIII в.

Кроме того, повторим, Даниилом, остановившим шведского Льва, русские панегиристы называют самых различных русских героев: Петра, Меншикова, возможно, кавалеров ордена Андрея Первозванного, и называют постоянно. Как показывает материал, в русской литературе эпохи Северной войны некоторые ключевые панегирические мотивы многократно употребляются в одном и том же «политическом» контексте: русский Даниил «заграждает уста» шведскому Льву, как отмечалось выше, Петр Первый – «воистину первый». Таким образом, характерной приметой русской панегирической литературы Петровского времени становится повторяемость. Этот феномен может объясняться как «экономностью» авторов, использовавших лишь наиболее подходящие, на их взгляд, панегирические мотивы, так и их недостаточной изобретательностью. Известно, что русские панегиристы рубежа XVII–XVIII вв. демонстрировали барочное остроумие в полной мере, и поэтому, скорее, здесь мы имеем дело с осознанным стремлением к «самоограничению». Эта черта русских панегириков первых десятилетий XVIII в. становится особенно заметной при их сопоставлении с сочинениями шведских авторов, стремящихся к «широте» и «разнообразию».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Николаев С. И.* Литературная культура... С. 12.

[2] *Феофан Прокопович.* Пришествию в Нов град Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728 генваря 11 дня // Древняя Российская вивлиотика. 1789. IX. С. 493.

[3] Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 519.

[4] Там же. С. 505.

[5] РГАДА. Ф. 17. Оп. 1м. № 143. Л. 3–3 об.

[6] Державнейшаго государя Царя и Великаго Князя Петра Перваго по долгом странствовании в царствующий свой Санктпитербурх возвратившагося: сын его величества, благороднейший государь царевич и великий князь Петр Петрович, двоелетный младенец аки своими усты приветствует. СПб., 1717. С. 2.

[7] Приветствие всенародное. СПб., 1717. С. 4.

[8] *Николаев С. И.* Указ. соч. С. 12.

[9] Palmsk. saml. 15. S. 931.

[10] Tolff Stora Konunga Namn uppå wår Allernådigste Konungs Konung CARL den XII Lyckeliga Namns-Dag den 28 Januar. 1715. Med underdånigste Wördnad nämnde af B. W. Schmidt // Palmsk. saml. 15. S. 1172.

[11] Rudbeck d. y. Dedikation af Specimen usus linguæ gothicæ.

[12] Lyck=önskan Wid hundra=årigt Ålder=Skiffte / Tå Göteborg Inträdde med Nyåret 1718 // V. 48.a.

[13] Then Stormächtigste Konungs / Konung CARL then Tolftes Sweriges / Göthes och Wendes &c. &c. Konungs PERSONALIER, Upläsne Wid Konglige Begrafningen / Som skedde uti Ridderholm Kyrkian i Stockholm.
Den 28 Februarii 1719. Upsala, 1721. S. 2.

[14] *Ekedahl N.* Det svenska Israel ... S. 105. Исследователь цитирует «Personalia eller wyrdesam berättelse om ... konung Carl den XI:tes aldra-christeligaste och högst-beprijsligaste lefwernel samt högst-salige död» (Stockholm, u. å – 1697).

[15] Gustav III. Reflexioner. Stockholm, 1778.

[16] Delblanc S. Ära och minne. Studier kring ett motivkomplex i 1700-talets litteratur. Stockholm, 1965. S. 25.

[17] Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 81.

[18] Слово перед проклятием Мазепы, произнесенное митр. Стефаном Яворским в Московском Успенском соборе 12 ноября 1708 г. (ТКДА. 1865. № 12. С. 507). К этому фрагменту Библии русские проповедники обращались на протяжении всего XVIII в. и, как правило, упоминали его в связи с русско-шведскими политическими взаимоотношениями: «...помирились мы со Львом свейским, но есть другий страшнейший лев, о котором верховный Петр в I своем послании: Трезвитеся, рече, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, искаяй, кого поглотити. С сим львом мирится не может, кто мир с Богом иметь хочет» (в «Слове в день принесеннаго второе торжественнаго благодарения всеблагому Богу о совершившемся между Империею Российскою и короною Шведскою вечнаго мира» (1743) Серафима Псковского и Нарвского).

[19] Слово перед проклятием Мазепы ... С. 130.

[20] *Гавриил Бужинский.* Собрание некоторых проповедей, говоренных с 1719 по 1726 год в присутствии Петра Великаго и при гробе сего государя ... М., 1768. С. 60.

[21] Цит. по: Панегирическая литература Петровского времени ... С. 26.

[22] Triumph-Basun i Norden Öfwer Then Stoormächtigsta Konungz Konung CARL den XIItes Härliga Seger Emot thes Fienda / Konungen af Polen / wid Cliscou I Lilla Polen / den 9. Julij innewarande åhr / Ljudande Uppå Tacksäijelse=Dagen ... 20 Novemb. 1702. S. 109; Jesu Christi Blodiga Öffer / För heela Werldens Synder / Samt Theras flytande Tröst För Alla bootfärdiga Syndare; Framstält uti en Långe Fredagz Predikan / Uti Ny Ed Sockens Försambling Anno 1702 Af Gabriel Floren. Past. NyEdens. Upsala. S. 168.

[23] Triumph-Basun i Norden ... S. 22.

[24] Mose och Lamsens Wisor. Stockholm, 1717. S. 25. Эта аллюзия встречается и в проповеди Ю. Витте (Christelige Upmuntringar / til en ödmiuk Taksäjelse / för Hans Kongl. Majestäts af Swerige den Stormächtigste Konungs och Herres / Konung CARL den XIItes Lyckeliga Ankomst ifrån Turckiet /

föreställte uti en Christ=loflig Församling på Landsbygden af Joach. Witte. Stockholm, Upsala, 1715. S. 24).

[25] Twenne Book=och Bättrings Predikningar / af den widtberömbde Theologo Doct. Joh. Friderich Maijer / General Superintendent uthi Pommern / samt Procancellario och Professore Promario wid Kongl. Universitetet i Gripswald för någon tijd i Tyskland håldne / och nu på Swenska öfwersatte: samt å nyo uplagd en Synodal=Predikan Om Helfwetet / af Jacob Garwolio. Åbo, 1707. S. 71.

[26] Gudz Nådige Åtancka / wara Menniskians Bästa; tå fordom Kongl Hof=Stall=Bookhållaren / Åhreborne och Wälbetrodde Herren nu salige Andreas Åhman / uthi St. Jacobs Kyrkio then 27 maij åhr 1712 Sorgprydeligen begrafdes: wid Griftebrädden Kristeligen eftertänckt af Kongl. Hofpredikanten Johan Possieth. Stockholm, 1712. S. 5. Естественно, в русских проповедях Петровского времени этот библейский сюжет используется вне всякой связи с военными событиями. Например, в слове Гавриила Бужинского «В 33 неделю по Пятидесятнице, о мытаре и фарисее» говорится: «Езехия на ложи своем моляся, исцеление получил, Иеремия в рове и блате, Иона в ките, Даниил в рове между лвами, разбойник на кресте в теплой мотиве услышани быша» (Проповеди Гавриила Бужинского ... С. 400).

[27] *H. G. von Broberger.* Ledige Stunders poêtiske Tijd=Fördrift. Stockholm, 1708. S. 79.

[28] Samlade vitterhetsarbeten af svenska författare från Stjernhjelm till Dalin. Uppsala, 1867. V. 8. S. 237.

[29] Ibid. S. 207. Кроме стихотворных свадебных панегириков, «батальные образы» используются в шведских стихотворениях духовного содержания, например, в цитировавшемся сборнике Г. Любекера «Mose och Lamsens Wisor».

[30] Слова Стефана, митрополита Рязанского и Муромского. Труды Киевской духовной академии. 1875. № 10. С. 132.

[31] ГИМ. Барсов. 1531 пс.

[32] *Карион Истомин.* Книга любве знак в честен брак. 1689 / Изд. и коммент. Л. И. Сазоновой. М., 1989. Л. 14 об.

[33] *Frese J.* Då secreterarens, hr. Johannis Runii lärde Wärck blef aftryckt betygade i följjande Rader sin Fägnad / Johannis Runii, W.Gothi DUDAIM eller Andelige Blommor i tiden med en särdeles flijt och moget wahl sammanhämptade och efter AUCTORIS död å mångens åstundan och begiäran i sin tilbörlige Kranss infästade. Stockholm, 1714.